

М. С. Круглова¹¹ Институт экономики Российской академии наук, г. Москва, Россия

Китайская модель государства развития: исторические истоки и институциональная преемственность

Круглова Мария Семеновна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт экономики Российской академии наук
E-mail: kruglova_ms@inecon.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8731-7702>
Web of Science Researcher ID: T-8171-2017
Scopus ID: 57207204902
eLIBRARY SPIN-код: 6126-0035

Аннотация

Цель: установление институциональной связи между исторически сложившимися практиками государственного регулирования хозяйственной жизни в дореволюционном Китае и современной архитектурой «государства развития» КНР, а также определение роли персонификации верховной власти в качестве системообразующего элемента данной модели в контексте многолетней экономической метаморфозы, охватывающей период с древности до начала XXI в.

Методы: в работе использованы качественные методы историко-сравнительного анализа, институционального подхода и обобщения эмпирических материалов, представленных в отечественных и зарубежных исследованиях по экономической истории Китая и теории государства развития.

Результаты: идентифицированы основные механизмы институциональной преемственности китайской модели. Аргументирован вывод о том, что персонификация реформаторских усилий, прослеживаемая в деятельности ключевых исторических фигур – от Шан Яна до Дэн Сяопина, – представляет собой архетипическую характеристику китайской политической традиции, обеспечивающую возможность решительных преобразований вопреки бюрократическому сопротивлению. Вывод состоит в том, что современная китайская модель государства развития является синкретическим образованием, объединяющим легистскую результативность, конфуцианскую легитимность и прагматический социализм с китайской спецификой, адаптационный потенциал которого обуславливает устойчивость перед вызовами «ловушки среднего дохода» и демографического кризиса.

Научная новизна: в работе впервые предпринят системный анализ исторических реформаторских проектов сквозь призму концепции «государства развития» с акцентом на персонификацию власти как сквозного институционального элемента, а также обнаружены параллели между средневековыми управленческими механизмами и текущими инструментами экономической политики КНР.

Практическая значимость: полученные результаты могут быть востребованы в научно-педагогической деятельности при изучении экономической истории Китая, теории государства развития и сравнительной политологии. Материалы исследования применимы также для критической рефлексии относительно возможностей и пределов адаптации китайского институционального опыта в российскую практику государственного администрирования с учетом отсутствия сопоставимой исторической традиции.

Ключевые слова:

экономическая теория, государство развития, китайская модель государства развития, институциональная преемственность, персонализация власти, легизм, конфуцианство, экономическая политика Китая

Как цитировать статью: Круглова, М. С. (2026). Китайская модель государства развития: исторические истоки и институциональная преемственность. *Russian Journal of Economics and Law*, 20(3), 519–539. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2026.3.519-539>

Scientific article

M. S. Kruglova¹

¹ *Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

The Chinese development state model: historical origins and institutional continuity

Maria S. Kruglova, Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

E-mail: kruglova_ms@inecon.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8731-7702>

Web of Science Researcher ID: T-8171-2017

Scopus ID: 57207204902

eLIBRARY SPIN-code: 6126-0035

Abstract

Objective: to prove an institutional link between the historical practices of state regulation of economic life in pre-revolutionary China and the modern architecture of the PRC's "development state"; to determine the role of the supreme power personification as a system-forming element in this model, given the long-term economic metamorphosis from ancient times to the early 21st century.

Methods: the study employs qualitative methods of historical-comparative analysis, the institutional approach, and the synthesis of empirical materials presented in the Russian and foreign studies on the economic history of China and the theory of the development state.

Results: the author identified the main mechanisms of institutional continuity in the Chinese model. The conclusion is substantiated that the personalization of reformist efforts, evident in the activities of key historical figures – from Shang Yang to Deng Xiaoping – represents an archetypal characteristic of the Chinese political tradition, ensuring the possibility of decisive transformations despite bureaucratic resistance. The conclusion is that the modern Chinese model of the development state is a syncretic entity that combines Legalist effectiveness, Confucian legitimacy, and pragmatic socialism with Chinese characteristics. Its adaptive potential ensures resilience in the face of the challenges posed by the "middle-income trap" and the demographic crisis.

Scientific novelty: the study is the first to undertake a systematic analysis of historical reformist projects through the lens of the "development state" concept, with a focus on the power personification as a cross-cutting institutional element; it also identifies parallels between medieval management mechanisms and the current tools of China's economic policy.

Practical significance: the results obtained can be useful in scientific and pedagogical activities when studying the economic history of China, the theory of the development state, and comparative political science. The research materials are also applicable for critical reflection on the possibilities and limitations of adapting Chinese institutional experience to Russian public administration practice, given the absence of a comparable historical tradition.

Keywords:

economic theory, the development state, Chinese model of the development state, institutional continuity, personalization of power, Legalism, Confucianism, China's economic policy

For citation: Kruglova, M. S. (2026). The Chinese development state model: historical origins and institutional continuity. *Russian Journal of Economics and Law*, 20(3), 519–539. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2026.3.519-539>

Введение

Сложившаяся в Китае модель развития нередко интерпретируется в современном академическом дискурсе как феномен исключительно позднего Новейшего времени, берущий свое начало непосредственно с момента начала реализации политики «реформ и открытости» и ставящая своей целью построение «социализма

с китайской спецификой»¹. Однако концепция «государства развития» (*Developmental State*), детально разработанная Чалмерсом Джонсоном на примере макроэкономической трансформации послевоенной Японии (Johnson, 1982), в китайском контексте приобретает значительно более глубокую историческую специфику. Теория государства развития объясняет экономический успех стран через активную, руководящую роль сильного государства в рыночной экономике. В отличие от чистого капитализма (невмешательства государства) или социализма (плановой экономики) здесь правительство направляет бизнес и планирует рост, сохраняя частную собственность (Круглова, 2024а. С. 217–219).

На протяжении свыше двух тысячелетий китайское государство выступало не столько в роли внешнего пассивного регулятора или арбитра, сколько в качестве главного суверенного архитектора экономической реальности. Современная китайская экономическая модель представляет собой сложное явление, в котором органично сочетаются традиционные философские идеи, многовековая практика государственного администрирования и прагматизм реформаторских стратегий. Все это дает нам основание рассмотреть экономическую модель Китайской Народной Республики (далее – КНР) как систему, берущую истоки глубоко в древности и основанную на глубокой преемственности традиционных институтов, которые опытным путем преобразуются для современных нужд развития экономики. Под институциональной преемственностью в данной работе понимается устойчивое воспроизводство институциональных паттернов (норм, практик, организационных форм) в ответ на сходные вызовы (внешняя угроза, фискальный кризис, социальное неравенство), при этом данные паттерны могут видоизменяться, адаптироваться к новым условиям, но сохранять свою идеологическую и функциональную основу.

Конфуцианская концепция государства для народа впоследствии оформилась в качестве официальной государственной идеологии, сформировав специфические управленческие принципы, при которых знание, верифицированное через систему государственных экзаменов, интегрировалось во властную иерархию. Именно эта конфуцианская традиция с ее неизменным вниманием к морально-нравственным категориям управления и значимости социальной гармонии составила тот прочный культурный фундамент, который, по оценке ряда авторов, оказал определяющее воздействие на становление современной политической системы КНР, где масштабные экономические преобразования и формирование рыночных механизмов с конца 1970-х гг. сочетаются с высокой ролью национальных традиций и идеологической непрерывностью (Сущенко, 2015). При более углубленном теоретическом рассмотрении обнаруживается непосредственная связь между архетипами китайской мысли и прагматической сущностью экономической модели, характеризующейся такими чертами, как градуализм, экспериментаторский подход и выраженная направляющая функция государства. Так, исследователи проводят параллели между современным стратегическим курсом «переходить реку, нащупывая камни» и конфуцианско-легистской традицией.

Разработанная Ч. Джонсоном концепция «государства развития» долгое время служила удобной теоретической рамкой для анализа успехов стран Восточной Азии (Yu, 2008), включая Южную Корею (Amsden, 1989) и Тайвань (Wade, 1990). Однако вопрос о применении этой концепции к Китаю до сих пор вызывает споры, консенсуса в научной литературе нет. Часть авторов настаивают на сходстве китайской модели с классическими восточноазиатскими кейсами (Knight, 2014; Baek, 2005; Beeson, 2009; Kalinowski, 2015), отмечая такие общие черты, как государственный контроль над финансами, экспортно ориентированная промышленная политика и высокая степень государственного вмешательства в экономику (Karagiannis et al., 2020). Более полный литературный анализ проблемы применения концепции «государства развития» к Китаю см. (Круглова, 2024b). Другие исследователи подчеркивают существенные различия, ставя под сомнение применимость данной модели к КНР (Fewsmith, 2011; Trubek, 2008; Evans, 2014). Также присутствуют работы, которые ставят под сомнение уникальность китайской модели, подчеркивая, что здесь скорее нужно проводить параллель с более ранними восточноазиатскими развивающимися государствами. Исследователи утверждают, что дискуссия о китайской модели во многом повторяет дискурс об общей восточноазиатской

¹ Термин «социализм с китайской спецификой» (有中国特色的社会主义, Ю Чжунго тэсэ дэ шэхуэйчжжи, Socialism with Chinese Characteristics) был постепенно введен в китайскую идеологию с момента начала политики «реформ и открытости» в 1978 г. Основная суть термина заключается в адаптации классических принципов социализма к уникальным историческим, культурным и экономическим условиям страны, учитывая философскую традицию и привычные Китаю экономические и политические институты. Самая знаменитая составляющая этой «специфики» – создание «рыночного социализма».

модели тридцатилетней давности (Springborg & Hurst, 2015). Более оригинальные трактовки описывают Китай как «постсоциалистическое развивающееся государство» (*Post-Socialist Developmental State*). Автор утверждает, что развитие Китая направляет модель развивающегося государства, но оно происходит в контексте постсоциалистической трансформации (Bolesta, 2012).

Китайские ученые, в свою очередь, акцентируют внимание на «особости» реформ, связанной с ключевой ролью местных властей в экономическом росте, что привело к появлению таких понятий, как «местное правительство развития» и «локализм развития» (Zhu, 2004; Yu & Gao, 2012). Высказывается мнение, что китайский опыт в целом соответствует модели государства развития Восточной Азии², тогда как профессор Келли Цай выделяет три отличия: фрагментированную систему регулирования, непоследовательность промышленной политики и опору на иностранный капитал (Tsai, 2004). Дискуссия также затрагивает институциональные аспекты – например, систему конкуренции среди региональных чиновников, создающую сильные стимулы к экономическому росту, но порождающую и негативные последствия (межрегиональную конкуренцию и коррупционные риски) (Zhou, 2007).

В итоге ни в западной, ни в китайской академической среде нет единого мнения о том, является ли Китай классическим государством развития (Zhang, 2017; Yang, 2018). Некоторые авторы предлагают модернизировать концепцию, вводя термины «новое государство развития» или «постразвитие» (Huang, 2016; Ruan, 2008), другие же настаивают на полной неприменимости данной модели к КНР (Yu & Shi, 2008). Ключевым фактором, отличающим Китай от «азиатских тигров», признаются его географическая несоразмерность и региональная неоднородность, что вынуждает делегировать полномочия местным властям, делая их основными драйверами развития (Beeson, 2009; Stubbs, 2009; Bardhan, 2010). В российской литературе тема представлена гораздо скромнее (Бергер, 2009; Григорьев, Жаронкина, 2024). В нашем исследовании мы будем придерживаться мнения о том, что к Китаю в целом применима концепция государства развития.

Отдельно китайская модель развития нашла обширное отражение в мировой и отечественной научной литературе. Исследователи отмечают, что успех современной китайской модели связан не только с реформами последних десятилетий, но и с многовековыми управленческими традициями, которые в измененной форме находят отражение в современной китайской бюрократической среде. Отмечается, что в основе китайской модели лежит приоритет внутренней стабильности и централизованная управленческая система, которая развивалась на протяжении многих веков (Круглова, 2020). Французский историк П.-Э. Вилль исследует экономическую политику Китая в период с 1600 по 1850 г. Исследователь делает вывод о том, что китайские власти в первую очередь старались сохранить стабильность системы, а лишь потом проводить реформы, которые бы отражали современные запросы общества (Will, 1994).

Популярной темой для исследователей китайской экономики на современном этапе становится природа взаимоотношений между государством, обществом и рынком. Например, авторы работы *Exploring the Chinese Social Model* предлагают описывать китайскую модель развития как «социально встроенную» рыночную экономику. Авторы высказывают тезис о том, что попытки иностранных исследователей разграничить государство и рынок в китайских реалиях не позволят понять суть китайской модели, в которой на протяжении многих столетий произошло сложное переплетение культурных традиций и институциональных форм, не подлежащих в свою очередь простому разграничению на рынок и план (Liu et al., 2022).

Этот вывод получает свое развитие в работе, опубликованной в журнале *Management and Organization Review*, где группа исследователей во главе с М. Ваном и М. Лоунсбери предлагает рассматривать Китай сквозь призму «институциональных логик». Их ключевой тезис заключается в том, что в Китае доминирует «государственная логика», которая направляет все остальные (рыночную, профессиональную и т. д.) логики, что кардинально отличает его от западных стран, где государство и рынок часто воспринимаются как уравновешивающие друг друга автономные силы (Wang et al., 2025). Еще один важный аспект поднимается в книге *Communists constructing capitalism*, автор которой предлагает отойти от евроцентричного подхода, рассматривающего историю Китая через призму «неудачи» в развитии капитализма. Вместо этого он призывает изучать современный китайский капитализм как уникальный феномен, в котором КПК выступает не

² 耿曙[Гэн Шу]. (2017). «发展型国家»模式与中国发展经验之辩 [Дискуссия между моделью «страны развития» и опытом развития Китая]. 澎湃新闻 [The Paper]. https://m.thepaper.cn/newsDetail_forward_1619814

просто внешним регулятором, а неотъемлемым элементом эволюционирующей капиталистической системы, что выходит за рамки привычного анализа взаимодействия государства и рынка (Gruin, 2026).

Другим важным аспектом внимания исследователей является анализ внутренней институциональной структуры Китая, которая и обеспечивает реализацию его модели развития. Ученые делают акцент на принципе демократического централизма как на ключевом элементе китайской модели. Утверждается, что именно этот принцип, а не абстрактные обсуждения «китайской модели» является ее сутью, связывая партию и государство в единый работоспособный механизм (Yang, 2016). Данный вывод перекликается с положениями, представленными в коллективной монографии «Современное китайское государство» (Виноградов, 2022). В этой работе на примере высших органов власти показано, что современная китайская государственность во многом заимствует институты политического управления из своего прошлого. Институциональные аспекты политической модернизации в своей работе поднимает Л. И. Кондрашова, которая применяет теорию институциональных матриц к историческому развитию Китая. Проводимые в Китае реформы в ее работе рассматриваются как попытка модернизировать институциональную структуру, сохраняя доминирующее положение редистрибутивных институтов, но внедряя в систему управления институциональные элементы, которые в свою очередь позволили бы внедрить и контролировать рыночные механизмы экономики (Кондрашова, 2012).

Ряд авторов как в России, так и за рубежом исследуют различные аспекты китайских реформ разных периодов (Султанов, 2026; Cheng, 2003; Luo, 2013; Васильев, 2020; Круглова, 2021, 2022, 2023). Важное место занимают работы, изучающие особый путь развития Китая в исторической ретроспективе (Pomeranz, 2000; Long, 2006; Landes, 2006; Jones, 1990; Elvin, 1973). Исследовательский интерес также направлен в сторону изучения истории китайской экономической мысли. Работы затрагивают как экономическую мысль древнего Китая (Lin et al., 2014), так и историю китайской экономической мысли в Средние века и Новое время (Che et al., 2026; Chen, 1911; Hu, 1984).

В диссертационной работе Ван Цзясюй (2023) затрагивается тема политической модернизации Китая через призму заимствования идей Сунь Ятсена для конструирования философского фундамента идеологии современной КНР. В работе прослеживается эволюция политической мысли XX в. от идей Сунь Ятсена и Мао Цзэдуна до современной концепции Си Цзиньпина. Автор подчеркивает преемственность основных идей государственного строительства в китайской политической философии, которая берет начало в легизме и конфуцианстве.

Цель же настоящей статьи состоит в выявлении и системном анализе институциональной преемственности (в ее философском, управленческом и нормативно-правовом аспектах) между традиционными практиками государственного регулирования экономики в имперском Китае на примере реформ Шан Яна (ок. 390–338 гг. до н. э.), Ван Аньши (1021–1086), Чжан Цзюйчжэна (1525–1582) и Чан Кайши (1887–1975) и современной китайской моделью государства развития, сложившейся в КНР во второй половине XX – начале XXI в., а также в определении роли персонализации верховной власти как системообразующего фактора, который помогает обеспечивать способность государства к мобилизации ресурсов в кризисные периоды и адаптацию институтов к изменяющимся внешним условиям (что также будет проверено на исторических примерах реформ Шан Яна, Ван Аньши и Чжан Цзюйчжэна). Под персонализацией власти в данной работе понимается механизм, при котором инициатива и реализация реформ осуществляются конкретным лицом или узкой группой лиц, наделенных доверием верховного правителя, тогда как формальные бюрократические процедуры отступают на второй план (см., например, (Кукарцева, 2017)).

Для достижения указанной цели в работе последовательно решаются несколько взаимосвязанных задач: необходимо обосновать влияние легизма и конфуцианства на формирование современного экономического дирижизма; провести историческое сравнение реформаторских проектов Шан Яна, Ван Аньши и Чжан Цзюйчжэна с выделением их общих черт (фискальная централизация, борьба с частными монополиями, административная реорганизация, жесткая мобилизация ресурсов); выявить институциональную преемственность между средневековыми механизмами управления (система экзаменов кэцзюй, государственные монополии) и современными инструментами экономической политики КНР (госкорпорации, политика «двойной колеи», межрегиональная конкуренция); обосновать гипотезу о том, что успех китайских реформ на всех этапах исторического развития был связан с личной волей конкретных реформаторов, облеченных доверием верховного правителя, что составляет коренную черту китайской политической культуры.

Результаты исследования

1. Философский фундамент: легизм против конфуцианства

Исследование феномена современного экономического развития Китая требует выхода за рамки конъюнктурного анализа современных реформ и обращения к глубинным историко-философским основаниям, которые на протяжении более чем двух тысячелетий формировали уникальную национальную управленческую парадигму.

В отличие от западной интеллектуальной традиции, где противопоставление государства и рынка обычно базируется на приоритете прав человека и личных свобод, в китайской традиции основным приоритетом всегда была крепкая и сильная имперская государственность. Надо отметить, что и китайская интеллектуальная традиция не обошлась без споров, которые в основном разворачивались вокруг методов государственного управления и наиболее эффективных способов укрепления этой самой имперской государственности. Главный спор традиционно разворачивался между двумя этико-философскими школами – конфуцианством и легизмом, синтез которых сформировал прочный институционально-политический фундамент, сохранявший актуальность и в условиях современного Китая (Кравцова, 1999; Fukuyama, 2011).

Легисты понимали экономику не как отдельную сферу деятельности или как итоговый позитивный результат развития общества, а как инструмент мобилизации ресурсов и средство достижения могущества государства. Народ в данной парадигме рассматривался как ресурс, способствующий достижению целей государственной власти (Кравцова, 1999; Шан, 1993). Конфуцианство же исходило из моральных принципов, делало упор на добродетель правителя и достижение гармоничного общества. На практике же правители Китая сочетали конфуцианскую философию с легистскими методами управления, ведь именно легистские идеи легли в основу административной системы первой китайской империи Цинь, а затем эти же идеи были грамотно обернуты в конфуцианскую идеологию о ритуале, моральном правлении и добродетели и стали основой управления Китаем вплоть до начала XX в. Экономика в этой парадигме представляла собой не сферу частной инициативы, а государственное подспорье для более эффективного управления, стратегические отрасли управлялись напрямую центральными властями. При этом интеллектуальные дискуссии о лучших методах управления экономикой начались в Китае еще до нашей эры и в историографии получили название «спор о соли и железе» (鹽鐵論, *янъ те лунь*, 81 г. до н. э.) при династии Хань (Хуань, 2001). Монополии на соль, железо и алкоголь, введенные еще в Древнем Китае, стали воплощением легистского принципа контроля над ключевыми ресурсами. Это стало первым масштабным случаем государственного вмешательства в экономику, который современные историки сравнивают с современным госкапитализмом (Von Glahn, 2016). В ходе этого дискурсивного события, зафиксированного в одноименном трактате (Хуань, 2001), столкнулись две принципиальные позиции по вопросу о степени государственного контроля над стратегическими отраслями. Государственные монополии на соль и железо вводились для финансирования обороны границ, защиты мелких производителей от деятельности «алчных купцов» и пополнения казны стабильным доходом, независимым от частных торговцев. Как отмечает Ричард фон Глан, это создало ключевую формулу китайского государства развития: государство должно контролировать «командные высоты» экономики, чтобы выравнивать социальные и экономические дисбалансы (Von Glahn, 2016). В этом споре родился принцип «государство должно держать в руках рычаги, чтобы выравнивать кривое», который лежит в основе создания современных китайских государственных корпораций.

Сторонники монополий утверждали, что частная торговля солью и железом неизбежно ведет к обогащению узкой группы купцов за счет крестьянства, поскольку частный капитал не заинтересован в финансировании долгосрочных инфраструктурных проектов. Противники монополий, в основном представленные конфуцианской элитой, утверждали, что монополии порождают коррупцию, бюрократическую неэффективность и подрывают «добродетельное управление». Победил прагматический подход, монополии были сохранены, но с некоторыми ограничениями. Этот исторический эпизод заложил традицию, в рамках которой государство рассматривается как гарант социальной справедливости и экономической стабильности, а контроль над стратегическими ресурсами – уступка конфуцианцев в сторону сохранения государственного суверенитета, независимости и гармоничного социального строя. Спор о соли и железе, таким образом, предвосхитил многовековую дискуссию о соотношении государственного и частного секторов, которая в той или иной форме велась на протяжении всей последующей истории Китая и актуализировалась вновь в ходе реформ конца XX в.

Данный принцип воспроизводится и по сей день, когда китайские государственные корпорации контролируют энергетику, телекоммуникации и финансовый сектор (Von Glahn, 2016). Таким образом, в Китае еще в древности сложилась система, при которой государство контролирует «командные высоты» экономики и выравнивает социальный дисбаланс для обеспечения стратегической устойчивости системы. Конституция КНР, в которой закреплена руководящая роль Коммунистической партии Китая³, наследует легистскую правовую традицию, но при этом объясняет ее конфуцианской риторикой о «гармоничном обществе». Такой принцип позволяет поддерживать легитимность власти, но при этом использовать жесткие методы управления (см. табл.).

**Сравнительная характеристика легизма и конфуцианства как философских оснований
китайской модели государства развития**

**Comparative analysis of Legalism and Confucianism as philosophical foundations
of the Chinese development state model**

Критерий сравнения / Criterion for comparison	Легизм / Legalism	Конфуцианство / Confucianism
Период доминирования / Period of dominating	IV–III вв. до н. э. (эпоха Цинь) / 4–3 cc BCE (the Qin era)	Со II в. до н. э. до 1912 г. (официальная идеология) / 2 c BCE – 1912 (official ideology)
Основоположники / Founders	Шан Ян, Хань Фэйцзы / Shang Yang, Han Feizi	Конфуций, Мэн-цзы / Confucius, Mèngzǐ
Цель управления / Goal of governance	«Богатое государство и сильная армия» (фуго цянбин) / “A wealthy state and a strong army” (fugo qiangbing)	«Гармоничное общество» (датун) и добродетельное правление / “Harmonious society” (datong) and virtuous governance
Роль государства / Role of the state	Главный мотор развития, единственный субъект экономической деятельности / The main driver of development, the sole subject of economic activity	Моральный арбитр, наставник и защитник народа / Moral arbiter, mentor, and protector of the people
Экономическая политика / Economic policy	Государственные монополии, жесткий контроль цен, принудительный труд / State monopolies, strict price control, forced labor	Регулирование с учетом социальной гармонии, минимальное вмешательство в дела общин / Regulation with due regard for social harmony and minimal interference in community affairs
Отношение к народу / Attitude to people	Ресурс для достижения целей государства / Resource for achieving the goals of the state	Субъект воспитания и заботы / Subject of education and care
Методы управления / Methods of governance	Законы, наказания, круговые поруки, принуждение / Laws, punishments, collective responsibility, coercion	Ритуалы (ли), мораль, образование, личный пример правителя / Rituals (li), morality, education, the ruler’s personal example
Отношение к торговле / Attitude to trade	Ограничение, контроль, государственная монополия / Restriction, control, state monopoly	Терпимость, при этом презрение к купцам как к низшему сословию / Tolerance, coupled with contempt for merchants as a lower class
Наследие в современной модели / Heritage in the modern model	Контроль над «командными высотами», госкорпорации, мобилизационная дисциплина / Control over “commanding heights”, state corporations, mobilization discipline	Легитимация власти через заботу о народе, меритократический отбор среди всего населения / Legitimizing power through concern for the people, meritocratic selection among the entire population

В таблице приведено сравнение конфуцианства и легизма по основным характеристикам, применимым в системе управления экономикой и государством.

2. Реформы Шан Яна и легистская модернизация царства Цинь

На примере реформ Шан Яна в Древнем Китае впервые проявился феномен персонализации власти и проводимых ею преобразований. В следующих разделах мы рассмотрим реформы, проводимые знаменитыми китайскими реформаторами китайской древности и Средневековья. Феномен персонализации реформ

³ 中华人民共和国宪法 [Чжунхуа жэньминь гунхэго сяньфа, Конституция Китайской Народной Республики]. 中华人民共和国国防部 [Чжунхуа жэньминь гунхэго гофанбу, Министерство национальной обороны Китайской Народной Республики]. <http://www.mod.gov.cn/gfbw/fgwx/flfg/4807615.html>

является сквозным фактором китайской политической культуры и сохраняет свою актуальность вплоть до настоящего времени.

Реформы Шан Яна (ок. 390–338 гг. до н. э.) представляют собой наиболее яркий и бескомпромиссный в китайской истории пример реализации модели государства развития в его классическом, архаичном варианте. Задолго до появления самого термина, в IV веке до н. э., в царстве Цинь сложилась институциональная конструкция, в рамках которой государство под руководством сильной личности – самого реформатора и доверившегося ему правителя Сяо-гуна – становилось главным мотором социально-экономической трансформации, подчиняя все сферы общественной жизни единственной цели: всемерному усилению государства, и направления всех ресурсов на получение «богатого государства и сильной армии».

Будучи выходцем из незначительного княжества Вэй, Шан Ян явился ко двору циньского правителя с уже готовым планом преобразований, сумел увлечь правителя своими идеями и получил пост первого министра. Именно он, а не абстрактный государственный механизм стал главным архитектором новой Цинь. Его реформы представляли собой несколько взаимосвязанных направлений, целью которых была максимальная мобилизация доступных ресурсов. Шан Ян уничтожил старую аристократию, отменив все родовые титулы, и ввел новую систему из двадцати рангов, которые можно было получить исключительно за личные заслуги, прежде всего за воинскую доблесть. Этой реформой он планировал создать преданных государству воинов и таким образом создать новую элиту, обязанную своим положением лично правителю и его министру-реформатору. Затем Шан Ян провел административную реформу, страна была разделена на уезды, управляемые назначаемыми из центра чиновниками, это уничтожило раздробленность и создало единое административно-налоговое пространство (Султанов, 2026. С. 778). Крестьяне были объединены в «пятидворки» и «десятидворки» и связаны жесткой круговой порукой, которая должна была страховать государство от недополучения налогов. Шан Ян провел всеобщую перепись населения и земель, унифицировал меры и вес, ввел жесткий и детализированный свод законов (Шан Ян, 1993), действие которых распространялось на всех подданных без исключения. С точки зрения модели государства развития ключевым элементом здесь можно считать наличие волевой политической элиты, способной навязать обществу долгосрочную стратегию. Проведенные Шан Яном реформы превратили периферийное и полуварварское царство Цинь в мощнейшую военно-бюрократическую машину, которая в итоге покорила все прочие царства, создав первую централизованную империю в истории Китая, а созданные им институты: уездное деление, система рангов, практика сбора налогов – легли в основу двухтысячелетней имперской традиции.

Таким образом, реформы Шан Яна являются архетипическим примером того, как воля одного чиновника, поддержанная верховной властью, создает механизм тотальной мобилизации нации, превращая государство в единственного субъекта исторического творчества. Реформы Шан Яна заложили базовую институциональную матрицу, но их применение на практике в масштабах всей империи потребовало дальнейшей адаптации.

3. Реформы Ван Аньши и экономическая политика эпохи Сун

В период эпохи Сун (960–1279) мы наблюдаем еще один пример реформ, который дает нам возможность говорить уже о средневековой модели государства развития в Китае. Этот период часто характеризуется исследователями как «китайский проторенессанс» ввиду бурного экономического роста, развития торговли и технологических инноваций (Кулаков, Хисматуллин, 2024. С. 89; Edwards, 2013). Однако наряду с процветанием в империи нарастали и кризисные явления, связанные с концентрацией капитала в руках узкой элиты, обнищанием крестьянства и стагнацией налоговых поступлений в казну, а главное, столкнувшись с геополитическими ограничениями, Китай потерял значительные территории после нападения кочевого народа киданей на северные территории, а вследствие образования тангутского государства Западное Ся на территории современной китайской провинции Ганьсу утратил выход к Великому шелковому пути (Tan, 1991. Рр. 41–42, 51–52; Круглова, 2024b. С. 39), который обеспечивал значительные поступления в казну в периоды предыдущих династий. Ответом на кризис стали очередные реформы, на этот раз проводимые канцлером Ван Аньши, который разработал программу радикальных преобразований, известную как «Новые законы» («синь фа»), в первую очередь направленных на защиту крестьян от ростовщиков и произвола чиновников. Центральное место в реформах Ван Аньши занимала система государственного кредитования крестьян – так называемые ссуды под зеленые побеги (Круглова, 2021; Zhao & Drechsler, 2018).

Крестьянам предоставлялись государственные ссуды под залог будущего урожая по ставке 20 % годовых, что было существенно ниже процентов, взимаемых частными ростовщиками. Таким образом, государство пыталось вырвать крестьян из долговой кабалы, стабилизировать сельское хозяйство как основу налоговой базы и одновременно получить дополнительный доход в казну. Это был прямой исторический аналог современной политики поддержки малого бизнеса и сельского хозяйства через государственные банки Китая. Ван Аньши учредил высшее финансовое управление для контроля над государственными финансами, заменил натуральные повинности денежным налогом (что упростило фискальную систему) и реорганизовал сельское население в систему круговой поруки *баоцзя* (Майоров, 1988), создав таким образом институциональную основу для более эффективного управления и мобилизации ресурсов (Круглова, 2020. С. 116). Эти меры вызвали ожесточенное сопротивление другой бюрократической группировки. Они обвинили Ван Аньши в том, что он огосударствил экономическую сферу, подавил частную инициативу на местах и нарушил конфуцианские устои (Liu, 1959. P. 23). По мнению некоторых исследователей, главной проблемой реформ Ван Аньши стала чрезмерная институционализация управления, когда государство пыталось контролировать слишком многое при отсутствии современных технологий сбора и обработки информации, необходимых для эффективного управления столь масштабными программами.

Реформы Ван Аньши дважды прекращались в связи с его временной отставкой и были практически полностью отменены после смерти его покровителя-императора, что вновь подчеркивает их персональный, а не институциональный характер. Тем не менее сама попытка трансформации, а также идеи государственного регулирования экономики оказали глубокое влияние на последующую политическую мысль, и многие исследователи (Naughton, 1995; Линь и др., 2001) усматривают поразительное сходство реформ Ван Аньши с современной политикой Народного банка Китая и политических банков (*Policy Banks*), которые направляют ликвидность в приоритетные сектора, игнорируя краткосрочные рыночные риски ради долгосрочной социальной и экономической стабильности.

4. Фискальная централизация и административный контроль: реформы Чжан Цзюйчжэна в эпоху Мин

Третий крупный пример персонифицированных реформ связан с деятельностью Чжан Цзюйчжэна (1525–1582), фактического правителя империи Мин при малолетнем императоре Ваньли. Умный, талантливый и честолюбивый, он сумел заручиться поддержкой вдовствующей императрицы и в 1572 г. возглавил Дворцовый секретариат, сосредоточив в своих руках почти неограниченную власть на целое десятилетие (Xie, 2025. P. 32). Сам Чжан Цзюйчжэн, по собственному признанию, был «всего лишь нитью» в игре управления, но именно эта нить определяла весь ход политического процесса. Реформы Чжан Цзюйчжэна были направлены на преодоление системного кризиса, вызванного коррупцией, разбуханием бюрократического аппарата и падением налоговых поступлений. Он жестко ограничивал расходы императорского двора, урезал привилегии чиновников и вел непримиримую борьбу с коррупцией, что снискало ему множество врагов среди влиятельных кланов. Главным деянием реформатора стало введение в 1581 г. системы единого налога.

Суть реформы заключалась в том, что все многочисленные налоги и трудовые повинности, ранее взимавшиеся в натуральной форме и затруднявшие учет, были сведены в единый денежный платеж, исчисляемый и вносимый серебром. Это значительно упростило фискальную систему, ослабило поборы со стороны местных посредников и сборщиков налогов, а также наполнило казну стабильными денежными поступлениями, что позволило укрепить военный потенциал и финансировать внутренние проекты. Чжан Цзюйчжэн, как и его предшественники, действовал жестко и непопулярно, подавляя оппозицию и пренебрегая мнением конфуцианской бюрократической элиты, во имя спасения государства. История повторилась, после смерти реформатора чиновники уговорили повзрослевшего императора обвинить Чжан Цзюйчжэна в превышении полномочий и отменить реформы. Посмертно он был лишен титулов, имущество его семьи было конфисковано, реформы постепенно сошли на нет. Однако система единого налога, несмотря на последующий откат, оказала долгосрочное влияние на фискальную практику и стала важным шагом в развитии налоговой системы империи. Судьбы Шан Яна, Ван Аньши и Чжан Цзюйчжэна демонстрируют, что на протяжении всей истории реформы были делом рук конкретных личностей. Реформы начинались и проводились не конкретными чиновниками-интеллектуалами, чей авторитет и сила мысли становились главным и порой единственным

двигателем всего процесса реформ. Эта историческая традиция персонализации власти и реформ сформировала уникальную для Китая политическую культуру, в которой личная ответственность руководителя за судьбу страны остается ключевым элементом государственного развития. Эта позволяет проводить решительные преобразования даже перед лицом самого жесткого сопротивления, хотя и создает риск институциональной нестабильности после ухода реформатора.

5. Модель меритократического управления: система экзаменов кэцзюй и ее долгосрочные последствия

Ключевым институциональным фактором, обеспечивавшим устойчивость и адаптивность китайской модели государства развития на протяжении многих столетий, являлась уникальная система государственных экзаменов для чиновников кэцзюй, которая сформировала качественно иной тип элиты по сравнению с европейской наследственной аристократией. В отличие от обществ, где власть передавалась в основном по родовому принципу, китайская властная элита формировалась с помощью экзаменов на знание конфуцианских доктрин и представляла собой так называемую аристократию знаний. Их статус и привилегии определялись личными способностями, подтвержденными в ходе строгих конкурсных испытаний. Система кэцзюй начала формироваться с периода империи Хань, полностью оформилась к VII в. и просуществовала до начала XX в. Ситуация, при которой доступ к власти получали только образованные и прошедшие конкурсные испытания чиновники, сформировала глубокую меритократическую культуру, где управление государством рассматривалось как высшее искусство, требующее глубокого знания классических текстов, философии, истории и права.

Доступ к экзаменам имели все свободные подданные империи независимо от их происхождения, это помогло создать эффективный социальный лифт и обеспечивало постоянный приток в бюрократию наиболее талантливых и образованных людей из различных слоев общества. Такой порядок сформировал понимание о чиновнике не как о представителе наследственного и привилегированного слоя общества аристократии, а как о слуге государства, который получил свой пост благодаря заслугам и знаниям. Как подчеркивает Ф. Фукуяма (Fukuyama, 2011), именно эта институциональная особенность позволила Китаю в XX в. быстро восстановить государственность и эффективную систему управления, также опираясь на образование и проводя систематическую аттестацию чиновников. Даже после официальной отмены системы кэцзюй в начале XX в. культурный капитал и организационные принципы этой модели: представление о служении государству как высшей добродетели, ценность образования, меритократический отбор и иерархическая дисциплина – были в значительной степени адаптированы сначала партийной системой Гоминьдана, а затем и Коммунистической партией Китая, что обеспечило преемственность управленческой парадигмы. Современная система отбора и ротации кадров в КНР, хотя и опирается на марксистскую идеологическую основу, сохраняет многие черты этой традиции: акцент на образовании, конкурсные механизмы, длительную проверку на местах и четкую вертикаль подчинения.

Это позволило Китаю избежать той степени институциональной деградации, которая наблюдалась во многих постколониальных государствах, и обеспечило высокую способность государства к целенаправленному экономическому развитию.

6. Реформы в период Китайской Республики (1912–1949)

В качестве иллюстрации к мысли о преемственности экономических моделей в Китае можно указать на период Китайской Республики (1912–1949), который, вопреки распространенным представлениям о полном разрыве с традицией, стал временем активного поиска и апробации концепций государственного регулирования экономики, органично сочетавшихся с переосмыслением традиционных институтов.

Можно предположить, что описанная нами выше практика реформ могла иметь место только в имперском Китае при монархическом государственном строе, где реформаторы обладали высшим иммунитетом, который им даровал верховный правитель. Однако после падения империи в 1912 г., в период Китайской Республики, мы также наблюдаем попытки радикальных реформ, проводимых лично руководителями различных политических объединений. Самым ярким примером здесь могут служить реформы Чан Кайши в период «нанкинского десятилетия» (1927–1937). Параллельно в это время разворачивалась широкая дискуссия о путях

экономической модернизации, когда различные фракции Гоминьдана активно обсуждали роль государства и частных предпринимателей в индустриализации, стремясь использовать государственные инвестиции через банки (Horesh, 2022; Круглова, 2022. С. 81–82) для противодействия иностранной экспансии и создания национальной промышленности. При этом вся система должна была базироваться на концепции государственного устройства, предложенной Сунь Ятсеном. Концепция предлагала разделить власть на пять ветвей, где наряду с западными ветвями власти вводились экзаменационная (прямой аналог кэцзюй) и контрольная (прямой аналог имперского Цензората или Палаты контроля, высшего государственного органа надзора и контроля) ветви, напрямую заимствованные из многовековой практики имперского Китая⁴.

Хотя экономика республики оставалась относительно бедной, она заложила многие институты, которые после 1949 г. позаимствовало коммунистическое правительство (см. например, финансовые (Круглова, 2023. С. 140)).

7. Архитектура реформ: от маоистского фундамента к преобразованиям Дэн Сяопина

Переход Китая к модели государства развития во второй половине XX в. часто ошибочно трактуют простым отказом от идеологии и переходу к экономическому прагматизму, однако успех реформ Дэн Сяопина не был бы возможен без идеологического и индустриального фундамента, заложенного Мао Цзэдуном (Naughton, 1995, 2018). Несмотря на провал политики «Большого скачка» и последующий голод, в 50–70 гг. XX в. была заложена базовая промышленная инфраструктура, ликвидирована массовая неграмотность, проведена радикальная земельная реформа, была создана система мобилизации нации, которую прагматики затем перестроили для своих целей. Маоистский фундамент включал в себя в том числе дисциплинированный бюрократический аппарат, привычку населения к коллективным действиям и государственному регулированию, а также идеологическую установку на догоняющее развитие.

Центральным элементом дальнейших реформ стала так называемая двухколейная система ценообразования, государство сохранило обязательные поставки продукции по фиксированным ценам для стратегических отраслей, одновременно разрешив производителям продавать излишки по рыночным ценам. Двухколейная модель ценообразования (*Dual-track Price System*, 价格双轨制 цзягэ шуангуйчжи) – важнейший элемент реформы ценообразования в КНР. Модель предполагала сосуществование планового и рыночного механизмов ценообразования в КНР и может рассматриваться как пример эволюционной стратегии реформирования системы ценообразования в плановых экономиках. Первая колея – инструменты государственного планирования и распределения производственных ресурсов между государственными предприятиями, вторая колея – продажа ресурсов государственными предприятиями частному сектору. В рамках второй колеи сосуществовали легальный сектор торговли ресурсами и черный рынок продажи ресурсов государственными предприятиями частному сектору, в том числе и квазичастному (поселково-волостным предприятиям, далее – ПВП) (Карпов, 2014. С. 94–104). Как отмечает китайский экономист Линь Ифу, этот подход способствовал выполнению государством роли «страховочной сетки», пока формировались новые рыночные институты и частный сектор (Линь, 2001).

Если сравнивать классическую модель государства развития (Япония, Корея) с китайской, то можно заметить ключевое отличие: если корейское правительство делало в первую очередь ставку на крупные частные корпорации (*чоболи*), то китайское правительство опиралось на поселково-волостные предприятия, которые в свою очередь представляли собой эволюционную модель традиционного китайского института круговой поруки *баоцзя* (Круглова, 2020). ПВП формально находились в коллективной собственности местных властей, однако предполагалось, что они будут функционировать в условиях рынка, конкурируя как с государственными, так и с частными предприятиями. Такой подход позволил создать конкурентную квазирыночную среду еще до того, как частный сектор был официально легализован. Также это позволило избежать монополизма и способствовало быстрому росту мелкого и среднего предпринимательства.

Важнейшим инструментом китайской модели государства развития стала также децентрализация фискальной системы и передача значительных полномочий региональным властям. Региональные власти полу-

⁴ Система пяти властей, или Система пяти юаней, существует на Тайване по сей день.

чили право оставлять себе значительную часть налоговых поступлений от сверхплановых показателей, что превратило провинции в «инкубаторы реформ» и создало мощные стимулы для привлечения инвестиций и развития местной инфраструктуры.

Начиная с периода реформ (1978 г.) китайское правительство часто прибегает к реформаторскому экспериментированию, данный принцип подразумевает тестирование реформ на небольшой территории или провинции. Если эксперимент был удачным, как, например, создание специальной экономической зоны в Шэньчжэне, то правительство масштабировало его на всю страну. Этот механизм представляет собой прямую параллель с имперской практикой «пробных округов», существовавшей еще в эпоху Мин, когда отдельные регионы служили полигонами для апробации политических и экономических нововведений (Naughton, 1995).

Однако в отличие от Средневековья китайское государство сохранило жесткий контроль над финансовой системой. Банковский сектор выступает инструментом промышленной политики. Власти КНР используют государственные банки для направления финансов в стратегические отрасли. По итогам 2025 г. совокупные активы Государственного банка развития Китая (CDB) достигли 19,55 трлн юаней, а кредитный портфель – 15,69 трлн юаней, что подтверждает его ключевую роль в финансировании долгосрочных инфраструктурных проектов⁵. Еще более масштабные показатели демонстрирует *China Construction Bank (CCB)* – один из крупнейших государственных банков, выступающих инструментом промышленной политики: совокупные активы на конец 2025 г. составили 45,63 трлн юаней (+12,47 % к 2024 г.)⁶, кредитный портфель – 26,93 трлн юаней⁷. При этом кредитование приоритетных секторов значительно опережало общие темпы роста: стратегические отрасли выросли на 23,46 %, зеленое кредитование – на 20,54 %, обрабатывающая промышленность – на 15,83 %, а наукоемкие отрасли – на 18,91 %⁸. Государственные банки КНР продолжают выполнять функцию концентрации финансовых ресурсов для реализации стратегических задач развития. Как утверждают ученые, подобное управление финансами служит необходимым этапом для догоняющего развития стран Восточной Азии (Amsden, 1989).

Таким образом, современная модель государства развития в КНР представляет собой сложный синтез трех компонентов: маоистской мобилизационной дисциплины, традиционной бюрократической меритократии, унаследованной от системы кэцзюй, и заимствованных у соседей механизмов экспортной ориентации и промышленной политики. Такой своеобразный гибрид помог Китаю избежать институциональной неопределенности и глубокого социально-экономического коллапса, который погубил многие переходные экономики на постсоветском пространстве.

На современном этапе, в период правления Си Цзиньпина, исторически укорененная тенденция к персонализации политического процесса не только сохранилась, но и получила новое институциональное оформление,

⁵ 中國建設銀行：2025年實現經營收入7408.71億元 [Чжунго Цзяньшэ Иньхан: эр лин эр у нянь шисянь цзиньин шоужу ци сы лин ба и эр и (7408,71) и юань, Китайский строительный банк: в 2025 году достиг операционного дохода в 7 408,71 млрд юаней]. 人民网 [Жэньминьван, официальный интернет-портал газеты «Жэньминь жибао»]. <http://finance.people.com.cn/BIG5/n1/2026/0330/c1004-40691635.html>; 国家开发银行2025年净利润914.67亿元，实现微增 [Гоцзя Кайфа Иньхан: эр лин эр у нянь цзин лижунь цзю и сы лю ци лю ци (914,67) и юань, шисянь вэйцзэн, Государственный банк развития в 2025 году получил чистую прибыль в 91,467 млрд юаней, показав незначительный рост]. Eastmoney Securities. <https://finance.eastmoney.com/a/202605083731465576.html>; 国家开发银行[Гоцзя Кайфа Иньхан, Государственный банк развития]. <https://www.cdb.cn/gykh/khjj/>

⁶ 中國建設銀行：2025年實現經營收入7408.71億元 [Чжунго Цзяньшэ Иньхан: эр лин эр у нянь шисянь цзиньин шоужу ци сы лин ба и эр и (7408,71) и юань, Китайский строительный банк: в 2025 году достиг операционного дохода в 7408,71 млрд юаней]. 人民网 [Жэньминьван, официальный интернет-портал газеты «Жэньминь жибао»]. <http://finance.people.com.cn/BIG5/n1/2026/0330/c1004-40691635.html>

⁷ 资产总额突破45万亿元 净利润近3400亿元 [Wзычань цзунтэ тупо сы ши у вань и юань, цзин лижунь цзинь сань цян сы бян и юань, Совокупный объем активов превысил 45 трлн юаней, чистая прибыль приблизилась к 340 млрд юаней]. Sina. <https://finance.sina.cn/tech/2026-03-31/detail-inhsvsha3427229.d.html?vt=4#1>

⁸ 中國建設銀行：2025年實現經營收入7408.71億元 [Чжунго Цзяньшэ Иньхан: эр лин эр у нянь шисянь цзиньин шоужу ци сы лин ба и эр и (7408,71) и юань, Китайский строительный банк: в 2025 году достиг операционного дохода в 7408,71 млрд юаней]. 人民网 [Жэньминьван, официальный интернет-портал газеты «Жэньминь жибао»]. <http://finance.people.com.cn/BIG5/n1/2026/0330/c1004-40691635.html>; 建设银行：2025年实现归母净利润3389.06亿元 增幅0.99% [Цзяньшэ Иньхан: эр лин эр у нянь шисянь гуй му цзин лижунь 3389,06 и юань, цзэн фу 0,99%, Строительный банк: в 2025 году чистая прибыль, приходящаяся на материнскую компанию, составила 338,906 млрд юаней, прирост – 0,99%]. CNR. https://finance.cnr.cn/ycbd/20260327/t20260327_527564572.shtml

например через систему *чжуншэнь чжуйцзэчжи* (终身追责制, «Пожизненная система ответственности»)⁹ и нормативные акты Компартии Китая и государства, закрепляющие персональную и неотвратимую ответственность должностных лиц за экологический ущерб, экономические провалы и коррупцию¹⁰.

Эксперты отмечают, что сегодня в Китае при назначении губернаторов и секретарей парткомов личная преданность лидеру страны часто ценится выше, чем официальные заслуги (Ang, 2016; Гельман, 2015). Такой подход помогает укрепить вертикаль власти и гарантирует, что регионы будут послушно выполнять приказы центра. Чтобы местная элита не взбунтовалась, высшему руководству приходится передавать часть полномочий своим доверенным лицам. В итоге формируется скрытая система сдержек и противовесов, которая держится на личной верности и неформальных договоренностях.

Эта традиция уходит корнями глубоко в историю. Раньше у императора просто не хватало чиновников, чтобы контролировать огромную территорию страны, поэтому он управлял по принципу минимального вмешательства. По сути, уездный начальник правил в одиночку. Он сам собирал налоги, вел суды и отвечал головой перед императорским двором за все, что происходит на его земле. Память о таком всемогущем «начальнике-хозяине» закрепилась в сознании людей и до сих пор влияет на китайскую политику.

Со временем партия попыталась сделать отбор и продвижение кадров более системными. Но личный фактор все равно остался ключевым. На главные роли в провинциях центр продвигал либо своих проверенных людей, либо, наоборот, сильных местных лидеров. Последние часто добивались гораздо лучших экономических успехов, чем приезжие назначенцы. Происходило это потому, что они отлично знали местную специфику, имели авторитет и полезные связи в своем регионе. В то же время руководители из центра без таких неформальных контактов работали гораздо менее эффективно. Это лишний раз доказывает, что в китайской системе управления личные отношения и качества конкретного человека до сих пор решают все.

Будь то императорский чиновник в древности, первый секретарь провинции в 1980-е гг. или современный лидер государства – фигура руководителя остается центром принятия решений и гарантом их исполнения. Персонализация реформ, следовательно, является не случайным побочным эффектом, а глубинной чертой политической культуры и институционального дизайна, позволяющей гибко реагировать на внутренние и внешние вызовы, но при этом жестко удерживающей вертикаль власти в руках конкретных лиц, которые берут на себя ответственность за судьбу страны.

Проведенный анализ реформаторских проектов позволяет выделить несколько устойчивых институциональных элементов, составляющих ядро китайской модели государства развития и воспроизводящихся на протяжении более двух тысячелетий. Первым элементом можно выделить налоговый централизм, все реформаторы старались сконцентрировать финансовые ресурсы в руках центральной власти с целью финансирования стратегических проектов, содержания армии и проведения инфраструктурных работ. Можно увидеть, что эффективность этого элемента обратно пропорциональна уровню коррупции на местах и степени бюрократической нагрузки на население. Как показал опыт Ван Аньши, при отсутствии технологий оперативного сбора и обработки информации из провинций фискальная централизация порождает искажение данных и принудительное выполнение планов. Такую же проблему мы можем наблюдать и в современной КНР.

Вторым элементом можно назвать административный контроль. Начиная с системы уездов Шан Яна (IV в. до н. э.) до круговой поруки (XI–XX вв.) и современных механизмов «вертикального управления» государство стремится к прямому управлению территорией, минуя посредников. Однако при чрезмерном усилении контроля возникают эффект страха и искажения информации на местах, как это произошло в позднем периоде правления Чжан Цзюйчжэна, когда атмосфера страха парализовала обратную связь от чиновников.

Третий элемент – система меритократического отбора, которая сформировалась к VII в. и была формально упразднена в 1905 г., заложила традицию, в рамках которой доступ к власти определяется образованием. Это создало культурную основу для высокой степени доверия к бюрократическому аппарату и обеспечило постоянный приток талантов из разных слоев общества. Система экзаменов и аттестации чиновников существует в КНР и сейчас. Стоит оговорить, что преемственность не является линейной. Периоды централиза-

⁹ 终身追责 [чжуншэнь чжуйцзэ, пожизненная ответственность]. Baidu. <https://baike.baidu.com/item/终身追责/57202894>

¹⁰ 官员终身追责制怎么落实 [Гуаньюань чжуншэнь чжуйцзэчжи цзэньмэ лоши, Как реализовать систему пожизненной ответственности чиновников]. 共产党员网 [Гунчаньданван, Сайт Коммунистической партии Китая]. <https://news.12371.cn/2016/03/17/ART11458208992923892.shtml>

ции и эффективности чиновников сменялись фазами деградации и разложения бюрократического аппарата, однако сами институты воспроизводились в реформаторских проектах каждого нового династийного цикла.

Некоторые показатели могут продемонстрировать устойчивость и жизнеспособность модели. По оценкам Р. фон Глана (2016), фискальная емкость китайского государства в период Сун (X–XIII вв.) достигала 15–20 % ВВП – уровня, сравнимого с европейскими государствами раннего Нового времени. Реальный ВВП Китая за период реформ (1978–2023) вырос в среднем на 9,5 % ежегодно, что является самым высоким показателем среди крупных экономик за аналогичный период. В 2024 г. рост ВВП составил 5 %, а экономика впервые превысила отметку в 130 трлн юаней¹¹. При этом в периоды внешних шоков (азиатский кризис 1997–1998 гг., мировой финансовый кризис 2008–2009 гг., пандемия COVID-19 в 2020–2021 гг.) государство оперативно наращивало бюджетные расходы и кредитование через государственные банки. Например, в 2008–2009 гг. Китай реализовал стимулирующий пакет на 4 трлн юаней, а в 2020 г. – дополнительные меры по поддержке экономики, оцененные в 3,6 трлн юаней¹². По данным Национального бюро статистики КНР, доля инвестиций государственных предприятий в основной капитал в 2024 г. составила 5,7 % прироста к предыдущему году, а общий объем инвестиций достиг 51,4 трлн юаней¹³.

8. От казенных мануфактур к государственным корпорациям (SOE)

Современные китайские государственные предприятия (SOE, *State-Owned Enterprises*) представляют собой не просто наследие плановой экономики или временный институт переходного периода, но, по мнению некоторых исследователей, ключевой инструмент государства развития, являющийся функциональным аналогом казенных мануфактур и имперских монополий прошлого (Von Glahn, 2016).

В Средневековье государство напрямую управляло производством соли, железа, шелка и фарфора, чтобы обеспечить казну стабильным доходом, не зависящим от частных торговцев, и удовлетворить стратегические потребности армии и двора. Сегодня SOE выполняют схожую функцию, но в значительно более масштабных рамках глобальной экономики, доминируя в стратегических секторах – банковском деле, энергетике, тяжелой промышленности, телекоммуникациях и аэрокосмической отрасли. Их задача заключается не в максимизации прибыли акционеров в краткосрочной перспективе, а в выполнении политических и макроэкономических директив Коммунистической партии: поддержание полной занятости, инвестирование в долгосрочные, низко-рентабельные инфраструктурные проекты (например, высокоскоростные железные дороги, порты и электростанции), обеспечение технологического суверенитета и проведение нециклической политики в периоды экономических спадов. Хотя они работают в рыночной среде, их доступ к дешевому государственному кредиту, административная поддержка и негласные государственные гарантии дают им значительные конкурентные преимущества перед частными компаниями, что позволяет успешно реализовывать проекты, недоступные частному капиталу из-за их высокой капиталоемкости и длительных сроков окупаемости (Naughton, 2018).

Сравнительный анализ с моделями «азиатских тигров» (Южная Корея, Тайвань, Сингапур и Гонконг) показывает, что все они использовали элементы «государства развития», активно дирижируя своими экономиками. Однако китайская модель является более масштабной и, по мнению ряда экспертов, обладает большей внутренней устойчивостью (Ang, 2016). Азиатские «тигры» были почти полностью зависимы от экспорта на западные рынки и колебаний глобальной конъюнктуры. Китай же, даже будучи «фабрикой мира», всегда располагал огромным внутренним рынком, который позволял ему сглаживать внешние шоки и эффективно проводить политику «двойной циркуляции», при этом стимулируя внутренний спрос. Важную роль играет децентрализованная система Китая, поощрявшая локальные реформы и эксперименты (СЭЗ, ПВП), которая

¹¹ 中國建設銀行：2025年實現經營收入7408.71億元 [Чжунго Цзяньшэ Иньхан: эр лин эр у нянь шисянь цзингын шоуужу ци сы лин ба и эр и (7408,71) и юань, Китайский строительный банк: в 2025 году достиг операционного дохода в 7408,71 млрд юаней]. 人民網 [Жэньминьван, официальный интернет-портал газеты «Жэньминь жибао»] <http://finance.people.com.cn/BIG5/n1/2026/0330/c1004-40691635.html>; <https://www.financeun.com/newsDetail/59849.shtml?platForm=jrw>

¹² China's top economic planners explain stimulus measures. CHINA.ORG. http://www.china.org.cn/business/news/2008-12/10/content_16924799.htm#1; NDRC reveals details of stimulus package. CCTV. <https://www.cctv.cn/program/bizchina/20081127/108779.shtml>

¹³ Investment in Fixed Assets in 2024. National Bureau of Statistics of China. https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202501/t20250124_1958447.html#1; China's fixed-asset investment up 3.2% in 2024. The state council information office PRC. http://english.scio.gov.cn/pressroom/2025-01/17/content_117670681.html

была гораздо более сложной и адаптивной, чем это было возможно в меньших и более централизованных государствах, таких как Южная Корея. При этом однопартийная система КНР обеспечивает долгосрочную стратегическую преемственность, тогда как правительства Южной Кореи и Тайваня сталкивались с жесткой политической конкуренцией, которая периодически меняла экономический курс и тормозила реализацию долгосрочных проектов. Коммунистическая партия Китая, напротив, через формальный институт управления может навязывать непопулярные, но стратегически важные решения – например, жесткий контроль над населением во время пандемии *COVID-19* или антимонопольное давление на *IT*-гигантов без риска немедленного политического возмездия на выборах.

Заключение

Исследование институциональной преемственности между политическими практиками имперского Китая и современной КНР показывает, что нынешняя китайская модель государства развития сформировалась не в конце XX в., а стала итогом многовековой эволюции, где государство в разные исторические периоды оставалось главным драйвером модернизации.

Основной вывод исследования заключается в том, что китайская модель государства развития демонстрировала и демонстрирует устойчивость на протяжении более чем двух тысячелетий. Институт государственного контроля над стратегическими отраслями экономики, восходящий к монополиям на соль и железо эпохи Хань и закреплённый в ходе «Спора о соли и железе», получил свое последовательное воспроизведение в деятельности современных государственных корпораций (*SOE*). Институт фискальной централизации, радикально усиленный реформами Ван Аньши и Чжан Цзюйчжэна, нашел свое логическое продолжение в современной политике «банков развития», направляющих ликвидность в приоритетные сектора экономики.

Институт меритократического отбора кадров, сформированный системой государственных экзаменов кэцзюй, был адаптирован сначала партийной системой Гоминьдана, а затем и Коммунистической партией Китая, обеспечив преемственность управленческой парадигмы и способность государства к целенаправленной мобилизации ресурсов.

Особое значение в этой институциональной системе приобретает феномен персонализации власти, который в китайской модели государства развития выступает не как культурный артефакт или случайный побочный эффект, но как системообразующий институциональный механизм.

Примеры деятельности средневековых реформаторов демонстрируют, что в китайской политической традиции институциональные изменения инициируются и проводятся не безликими бюрократическими структурами, а конкретными реформаторами, обладающими доверием верховных правителей. Подобный механизм позволяет государству развития преодолевать сопротивление бюрократии и проводить решительные преобразования даже в условиях острого системного кризиса, однако он же создает риск институциональной нестабильности после ухода реформатора.

Предложенная иерархическая модель описывает устойчивость китайской государственной модели на протяжении двух тысячелетий через три взаимосвязанных уровня. Базовый фундамент задается философской преемственностью, сочетающей легистский прагматизм с конфуцианской идеологией, которая назначает государство главным агентом развития, а экономическую политику – инструментом укрепления могущества и социальной гармонии. На следующем, инструментальном, уровне эта философия воплощается через управленческие практики: экзаменационную систему, фискальный централизм, административное деление и механизмы контроля. Завершающий системообразующий уровень – персонализация власти, которая связывает философские основания с институтами, обеспечивая их актуализацию в кризисные периоды. Такая трехуровневая система объясняет устойчивость институционального основания: при смене династий и политических режимов философский фундамент остается неизменным, управленческие практики адаптируются, а персонализация власти гарантирует реагирование на системные вызовы.

Китайская современная модель государства развития – сложный конструкт, который выстраивался на протяжении более чем двух тысяч лет: легистская правовая традиция обеспечивала мобилизационный потенциал и жесткий контроль над стратегическими ресурсами, конфуцианская этика, направленная на создание гармоничного общества, легитимировала и сформировала глубоко укорененную в сознании общества меритократическую систему управления государством, а прагматичность реформаторов XX в. адаптировала

национальную институциональную среду к современным экономическим вызовам и потребностям интенсивно развивающегося государства, государственности перед лицом современных вызовов.

Однако исторический опыт выявляет и серьезные институциональные ограничения этой модели. Можно видеть, что смена приоритетов бюрократии, устранение реформаторов противоборствующими группировками могут привести к технологическому отставанию и ослаблению международных позиций. Как отмечал Д. Нидэм, анализируя китайские династийные циклы, чрезмерное усиление бюрократического контроля и фискальное перенапряжение неизбежно вели к стагнации и институциональному кризису, который в конечном счете приводил к смене династий (Needham, 1986. Рр. 61–73).

Список литературы

- Бергер, Я. (2009). Китайская модель развития. *Мировая экономика и международные отношения*, 9, 73–81. EDN: LGNJFP. DOI: 10.20542/0131-2227-2009-9-73-81
- Ван, Ц. (2023). *Особенности теории политической модернизации современного Китая*: дис. ... канд. полит. наук. Москва: Московский педагогический государственный университет.
- Васильев, С. А. (2020). Ранняя модернизация в Китае в эпоху Сун. *Вопросы теоретической экономики*, 3(8), 130–156. EDN: JULFSV
- Виноградов, А. В. (ред.). (2022). *Современное китайское государство. Т. 1: Основные институты государственной власти и управления*. Ин-т Дальнего Востока РАН, Ин-т востоковедения РАН.
- Гельман, В. Я. (2015). *Модернизация, институты и «порочный круг» постсоветского авторитаризма*. Санкт-Петербург: Изд-во Европейского университета.
- Григорьев, Л. М., Жаронкина, Д. В. (2024). Экономика Китая: тридцать лет обгоняющего развития. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*, 19(1), 1–38. EDN: LURRHY. DOI: 10.17323/1996-7845-2024-01-08
- Карпов, М. В. (2014). *Замкнутый круг «китайского чуда». Рыночные преобразования и проблема реформируемости партийного государства ленинского типа в Китайской Народной Республике*. Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История.
- Кондрашова, Л. И. (2012). Современная теория институциональных матриц в приложении к историческому развитию КНР. *Общество и государство в Китае*, 42(2), 139–147. EDN: PYPNMZ
- Кравцова, М. Е. (1999). *История культуры Китая*. Санкт-Петербург: Лань.
- Круглова, М. С. (2020). Поселково-волостные предприятия КНР: успех реформаторов или эволюция традиционного института? *Terra Economicus*, 18(4), 111–125. EDN: VEMAZT. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-4-111-125
- Круглова, М. С. (2021). Экономика династии Сун или Опыт неудавшейся модернизации: к вопросу о границах институциональных коридоров. *Журнал институциональных исследований*, 13(4), 101–111. EDN: YXUIVB. DOI: 10.17835/2076-6297.2021.13.4.101-111
- Круглова, М. С. (2022). Синтез в экономической политике на примере банковского сектора Китая в период Нанкинского десятилетия (1928–1937): Роль неформальных связей. *Terra Economicus*, 20(4), 75–86. EDN: OYVNJT. DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-4-75-86
- Круглова, М. С. (2023). Банки, финансы и реформы в нанкинское десятилетие (1928–1937): Синтетическая экономическая политика. *Вопросы теоретической экономики*, 1(18), 127–141. EDN: WEUSVC. DOI: 10.52342/2587-7666vte_2023_1_127_141
- Круглова, М. С. (2024б). Мир кочевой, мир оседлый: взаимная диффузия экономических институтов на примере государств Западное Ся, Ляо и Сун. *Journal of Institutional Studies*, 16(3), 38–48. EDN: MSUATB. DOI: 10.17835/2076-6297.2024.16.3.038-048
- Круглова, М. С. (2024а). Китайская модель государства развития: обзор исследовательской литературы. *Вопросы теоретической экономики*, 4(25), 215–224. EDN: UXDJAN. DOI: 10.52342/2587-7666vte_2024_4_215_224
- Кукарцева, М. А. (2017). Эффект персонализации современной политики. *Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение*, 4–2(10), 239–251. EDN: YPLWFL
- Кулаков, З. В., Хисматуллин, Б. Р. (2024). Развитие сельского хозяйства в империи Сун. *Современные востоковедческие исследования*, 6(4), 88–95. EDN: BABPGN
- Линь, И., Цай, Ф., Ли, Ч. (2001). *Китайское чудо: Стратегия развития и экономическая реформа* (пер. с кит. А. Д. Дубровского, Д. Н. Шарынова). Москва: ИДВ.
- Майоров, В. М. (1988). Баоцзя в гоминьдановском Китае 30–40-х годов. *Вопросы экономики, истории, внешней и внутренней политики стран Дальнего Востока*, 1, 152–160.
- Султанов, И. Р. (2026). Реформы Цинь Шихуанди и создание централизованного государства в древнем Китае. *Вестник науки*, 3(5(98)), 777–782. EDN: EKDTLL
- Сущенко, М. А. (2015). Политическая модернизация в КНР: факторы, направления, механизмы. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 3(31), 97–103. EDN: UZAZXV. DOI: 10.17223/1998863X/31/11

- Хуань, К. (2001). *Спор о соли и железе (Янь те лунь)* (пер. и коммент. Ю. Л. Кроля; Т. 1). Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН.
- Шан Ян. (1993). *Книга правителя области Шан (Шан цзюнь шу)* (пер. с кит., вступ. ст., коммент. и послесл. Л. С. Переломова; отв. ред. Ю. Л. Кроль). Москва: Ладомир. (Памятники письменности Востока; 20).
- Amsden, A. H. (1989). *Asia's Next Giant: South Korea and Late Industrialization*. Oxford University Press.
- Ang, Y. Y. (2016). *How China Escaped the Poverty Trap: Mapping the Coevolution of Property Rights and the Economy*. Cornell University Press.
- Baek, S.-W. (2005). Does China Follow the East Asian Development Model? *Journal of Contemporary Asia*, 35(4), 485–498. <https://doi.org/10.1080/00472330580000281>
- Bardhan, P. (2010). The Paradigm of Capitalism under a Developmental State: Does It Fit China and India? *Singapore Economic Review*, 55(2), 247–248. <https://doi.org/10.1142/s0217590810003699>
- Beeson, M. (2009). Developmental States in East Asia: A Comparison of the Japanese and Chinese Experiences. *Asian Perspective*, 33(2), 5–39. <https://doi.org/10.1353/apr.2009.0016>
- Bolesta, A. (2012). *China as a post-socialist developmental state: explaining Chinese development trajectory*: PhD thesis. London: London School of Economics and Political Science.
- Che, K., Jiao, Ya., & Li, G. (2026). Chinese Economic Thought and Its Inspiration to Cultural Economy. *Journal of Global Humanities and Social Sciences*, 7(1), 23–38. EDN: KRHSVW. DOI: 10.61360/BoniGHSS262019550104
- Chen, H. (1911). *The Economic Principles of Confucius and His School*. New York: Columbia University Press.
- Cheng, L. (2003). *Banking in Modern China: Entrepreneurs, Professional Managers, and the Development of Chinese Banks, 1897–1937*. Cambridge University Press.
- Edwards, R. A. (2013). *Industrial Revolution: Song China and England*. Tamkang University.
- Elvin, M. (1973). *The Pattern of the Chinese Past*. Stanford University Press*.
- Evans, P. (2014). The capability enhancing developmental state: concepts and national trajectories. In E. Kim (Ed.), *The South Korean Development Experience* (pp. 45–67). UK: Palgrave Macmillan.
- Fewsmith, J. (2011). Debating the China model. *China Leadership Monitor*, 35(21), 1–7.
- Fukuyama, F. (2011). *The Origins of Political Order: From Prehuman Times to the French Revolution*. Farrar, Straus and Giroux.
- Gruin, J. (2019). *Communists Constructing Capitalism: State, Market, and the Party in China's Financial Reform*. Manchester University Press.
- Horeh, N. (2022). Foreign Banks of Issue in Prewar China: The Notes of the Netherlands Trading Society, Deutsch-Asiatische Bank and the International Banking Corporation. *Histories*, 2(1), 68–74. EDN: BQOTPD. DOI: 10.3390/histories2010006
- Hu, J. (1984). *Chinese Economic Thought before the Seventeenth Century*. Beijing: Foreign Languages Press.
- Johnson, C. (1982). *MITI and the Japanese Miracle: The Growth of Industrial Policy, 1925–1975*. Stanford University Press*.
- Jones, E. L. (1990). The Real Question about China: Why Was the Song Economic Achievement Not Repeated? *Australian Economic History Review*, 30(2), 5–22. <https://doi.org/10.1111/aeht.302002>
- Kalinowski, T. (2015). Crisis management and the diversity of capitalism: fiscal stimulus packages and the East Asian [neo-] developmental state. *Economy and Society*, 44(2), 244–270. <https://doi.org/10.1080/03085147.2015.1013354>
- Karagiannis, N., Cherikh, M., & Elsner, W. (2020). Growth and Development of China: A Developmental State «With Chinese Characteristics». *Forum for Social Economics*, 50(3), 257–275. EDN: CIKFTV. DOI: 10.1080/07360932.2020.1747515
- Knight, J. (2014). China as a developmental state. *The World Economy*, 37(10), 1335–1347. <https://doi.org/10.1111/twec.12215>
- Landes, D. S. (2006). Why Europe and the West? Why Not China? *Journal of Economic Perspectives*, 20(2), 3–22. <https://doi.org/10.1257/jep.20.2.3>
- Lin, Ch., Peach, T., & Fang, W. (Eds.). (2014). *The History of Ancient Chinese Economic Thought*. Abingdon, UK: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315816821>
- Liu, J. T. C. (1959). *Reform in Sung China: Wang An-shih (1021–1086) and his New Policies*. Cambridge, MA: Harvard University Press. <https://doi.org/10.4159/harvard.9780674424388>
- Liu, W., Dunford, M., Liu, Z., & Yang, Z. (2022). *Exploring the Chinese Social Model: Beyond Market and State*. Agenda Publishing.
- Long, G. Y. (2006). An institutional convergence perspective on China's recent growth experience: A research note. *Papers in Regional Science*, 85(2), 321–330. <https://doi.org/10.1111/j.1435-5957.2006.00059.x>
- Luo, H. Y. (2013). On the Success and Failure of Wang Anshi's Green Sprout Act: A Mechanism Design Perspective. *Youth and Society*, 8.
- Naughton, B. J. (1995). *Growing Out of the Plan: Chinese Economic Reform, 1978–1993*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/cbo9780511664335>
- Naughton, B. J. (2018). *The Chinese Economy: Adaptation and Growth* (2nd ed.). MIT Press.
- Needham, J. (1986). Social Devolution and Revolution: Ta Thung and Thai Phing. In R. Porter (Ed.), *Revolution in History* (pp. 61–73). Cambridge. <https://doi.org/10.1017/cbo9781316256961.004>
- Pomeranz, K. (2000). *The Great Divergence: Europe, China and the Making of the Modern World Economy*. Princeton. <https://doi.org/10.1515/9781400823499>

- Springborg, R., & Hurst, W. (2015). A China Model or Just a Broken Mould? In *Development Models in Muslim Contexts* (pp. 1–24). Cambridge University Press. (Chapter 1).
- Stubbs, R. (2009). What ever happened to the east Asian Developmental State? The unfolding debate. *The Pacific Review*, 22(1), 1–22. <https://doi.org/10.1080/09512740802650971>
- Tan, Q. (1991). *Jianming Zhongguo Lishi Ditu Ji*. Beijing.
- Trubek, D. (2008). Developmental states and the legal order: towards a new political economy of development and law. *Law & Development Review*, 25(2), 2–105. <https://doi.org/10.2139/ssrn.1349163>
- Tsai, K. (2004). Off Balance: The Unintended Consequences of Fiscal Federalism in China. *Journal of Chinese Political Science*, 9(2), 1–26. EDN: FJHJDK. DOI: 10.1007/bf02877000
- Von Glahn, R. (2016). *The Economic History of China: From Antiquity to the Nineteenth Century*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/cbo9781139343848>
- Wade, R. (1990). *Governing the Market: Economic Theory and the Role of Government in East Asian Industrialization*. Princeton: Princeton University Press. <https://doi.org/10.1515/9780691187181>
- Wang, M. S., Lounsbury, M., Chen, X., & Ren, Y. (2025). Change, Governance, and Diffusion of Institutional Logics in and Beyond Chinese Contexts. *Management and Organization Review*, 21(3), 417–442. EDN: OKHHCU. DOI: 10.1017/mor.2025.11
- Will, P.-É. (1994). Développement Quantitatif et Développement Qualitatif en Chine a la Fin de L'Époque Imperiale. *Annales. Histoire, Sciences Sociales*, 49(4), 863–902. <https://doi.org/10.3406/ahess.1994.279298>
- Xie, X. (2025). "Suppressing Speaking Officials?" – The Reform of the Avenues of Criticism and their Operation during Zhang Juzheng Dominated-Period in the Ming China (1573–1582). *Ming Studies*, (92), 31–56. EDN: OSBUWD. DOI: 10.1080/0147037X.2025.2557714
- Yang, G. (2016). Still a Century of the Chinese Model? Exploring Dimensions of Democratic Centralism. *Chinese Political Science Review*, 1(1), 120–141. EDN: DJIVLV. DOI: 10.1007/s41111-016-0005-3
- Yang, H. (2018). China's Image from the Perspective of the Developmental State: What Kind of «Developmental State» is China? *JCIR*, 6(1), 95–116.
- Yu, Z. (2008). *Fazhan xing guojia [Developmental State]*. Changchun: Jilin Chubanshe.
- 郁建兴、高翔 [Yu Jianxing, Gao Xiang]. (2012). 地方发展型政府的行为逻辑及制度基础 [The behavioral logic and institutional basis of local developmental governments]. *中国社会科学 [Chinese social sciences]*, (5), 206–207.
- Zhang, F. (2017). The Chinese developmental state: standard accounts and new characteristics. *Journal of International Relations and Development*, 21(2), 739–768. EDN: OMGHKL. DOI: 10.1057/s41268-017-0085-1
- Zhao, X., & Drechsler, W. (2018). Wang Anshi's economic reforms: Proto-Keynesian economic policy in Song Dynasty China. *Cambridge Journal of Economics*, 42, 1239–1254. <https://doi.org/10.1093/cje/bex087>
- Zhu, J. (2004). Local Developmental State and Order in China's Urban Development during Transition. *International Journal of Urban and Regional Research*, 28(2), 424–447. EDN: FOZURN. DOI: 10.1111/j.0309-1317.2004.00527.x
- 周黎安 [Zhou Li'an]. (2007). 中國地方官員的晉升錦標賽模式研究 [Research on promotion tournament model of local officials in China]. *經濟研究 [Economic Studies]*, 7, 36–50.
- 郁建兴、石德金 [Yu Jianxing & Shi Dejin]. (2008). 超越发展型国家与中国的国家转型 [Beyond the Developmental State and China's National Transformation]. *学术月刊 [Academic Monthly]*, 4, 23–32.
- 阮思余 [Ruan Siyu]. (2008). 從發展型國家走向民主社會主義國家? [From a developmental state to a democratic socialist state?] *二十一世紀 [Twenty-first century]*, 110(12), 14–23.
- 黄宗昊 [Huang Zonghao]. (2016). 中国模式与发展型国家理论 [The Chinese Model and the Theory of Developmental State]. *当代世界与社会主义 [The Contemporary World and Socialism]*, 4, 166–174.

References

- Amsden, A. H. (1989). *Asia's Next Giant: South Korea and Late Industrialization*. Oxford University Press.
- Ang, Y. Y. (2016). *How China Escaped the Poverty Trap: Mapping the Coevolution of Property Rights and the Economy*. Cornell University Press.
- Baek, S.-W. (2005). Does China Follow the East Asian Development Model? *Journal of Contemporary Asia*, 35(4), 485–498. <https://doi.org/10.1080/00472330580000281>
- Bardhan, P. (2010). The Paradigm of Capitalism under a Developmental State: Does It Fit China and India? *Singapore Economic Review*, 55(2), 247–248. <https://doi.org/10.1142/s0217590810003699>
- Beeson, M. (2009). Developmental States in East Asia: A Comparison of the Japanese and Chinese Experiences. *Asian Perspective*, 33(2), 5–39. <https://doi.org/10.1353/apr.2009.0016>
- Berger, Ya. (2009). Chinese Model of Development. *World Economy and International Relations*, 9, 73–81. (In Russ.). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2009-9-73-81>
- Bolesta, A. (2012). *China as a post-socialist developmental state: explaining Chinese development trajectory*: PhD thesis. London: London School of Economics and Political Science.

- Che, K., Jiao, Ya., & Li, G. (2026). Chinese Economic Thought and Its Inspiration to Cultural Economy. *Journal of Global Humanities and Social Sciences*, 7(1), 23–38. <https://doi.org/10.61360/bonighss262019550104>
- Chen, H. (1911). *The Economic Principles of Confucius and His School*. New York: Columbia University Press.
- Cheng, L. (2003). *Banking in Modern China: Entrepreneurs, Professional Managers, and the Development of Chinese Banks, 1897–1937*. Cambridge University Press.
- Edwards, R. A. (2013). *Industrial Revolution: Song China and England*. Tamkang University.
- Elvin, M. (1973). *The Pattern of the Chinese Past*. Stanford University Press*.
- Evans, P. (2014). The capability enhancing developmental state: concepts and national trajectories. In E. Kim (Ed.), *The South Korean Development Experience* (pp. 45–67). UK: Palgrave Macmillan.
- Fewsmith, J. (2011). Debating the China model. *China Leadership Monitor*, 35(21), 1–7.
- Fukuyama, F. (2011). *The Origins of Political Order: From Prehuman Times to the French Revolution*. Farrar, Straus and Giroux.
- Gelman, V. Ya. (2015). *Modernization, institutions, and the “vicious circle” of post-Soviet authoritarianism*. St. Petersburg: European University Press. (In Russ.).
- Grigoryev, L., & Zharonkina, D. (2024). China: Thirty Years of “Surpassing” Development. *International Organisations Research Journal*, 19(1), 1–38. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2024-01-08>
- Gruin, J. (2019). *Communists Constructing Capitalism: State, Market, and the Party in China's Financial Reform*. Manchester University Press.
- Horeh, N. (2022). Foreign Banks of Issue in Prewar China: The Notes of the Netherlands Trading Society, Deutsch-Asiatische Bank and the International Banking Corporation. *Histories*, 2(1), 68–74. <https://doi.org/10.3390/histories2010006>
- Hu, Jichuang. (1984). *Chinese Economic Thought before the Seventeenth Century*. Beijing: Foreign Languages Press.
- Huan, K. (2001). Discourses on Salt and Iron (*Yán Tiě Lùn*) (transl. and commented by Yu. L. Krol; vol. 1). Moscow: Vostochnaya literatura RAN. (In Russ.).
- Huang Zonghao. (2016). The Chinese Model and the Theory of Developmental State. *The Contemporary World and Socialism*, (4), 166–174. (In Chinese).
- Johnson, C. (1982). *MITI and the Japanese Miracle: The Growth of Industrial Policy, 1925–1975*. Stanford University Press*.
- Jones, E. L. (1990). The Real Question about China: Why Was the Song Economic Achievement Not Repeated? *Australian Economic History Review*, 30(2), 5–22. <https://doi.org/10.1111/aehr.302002>
- Kalinowski, T. (2015). Crisis management and the diversity of capitalism: fiscal stimulus packages and the East Asian [neo-] developmental state. *Economy and Society*, 44(2), 244–270. <https://doi.org/10.1080/03085147.2015.1013354>
- Karagiannis, N., Cherikh, M., & Elsner, W. (2020). Growth and Development of China: A Developmental State «With Chinese Characteristics». *Forum for Social Economics*, 50(3), 257–275. <https://doi.org/10.1080/07360932.2020.1747515>
- Karpov, M. V. (2014). *Endless circle of the “Chinese miracle”. Market transformations and the problem of the reformability of the Leninist-type party-state in the People's Republic of China*. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russ.).
- Knight, J. (2014). China as a developmental state. *The World Economy*, 37(10), 1335–1347. <https://doi.org/10.1111/twec.12215>
- Kondrashova, L. I. (2012). Modern theory of institutional matrices in relation to the PRC historical development. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*, 42(2), 139–147. (In Russ.).
- Kravtsova, M. Ye. (1999). *History of the Chinese culture*. Saint Petersburg: Lan. (In Russ.).
- Kruglova, M. S. (2020). Township and village enterprises in China: reform success or evolution of a traditional institution? *Terra Economicus*, 18(4), 111–125. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2020-18-4-111-125>
- Kruglova, M. S. (2021). The economy of the Song dynasty or the experience of failed modernization: the boundaries of institutional corridors. *Journal of Institutional Studies*, 13(4), 101–111. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2021.13.4.101-111>
- Kruglova, M. S. (2022). Banking sector in China during the Nanjing decade (1928–1937) as an example of synthesis in economic policy. The role of informal ties. *Terra Economicus*, 20(4), 75–86. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2022-20-4-75-86>
- Kruglova, M. S. (2023). Banks, Finance and Reforms in the Nanjing Decade (1928–1937): a Synthetic Economic Policy. *Issues of Economic Theory*, 1(18), 127–141. (In Russ.). https://doi.org/10.52342/2587-7666vte_2023_1_127_141
- Kruglova, M. S. (2024b). Nomadic and settled worlds: the mutual diffusion of economic institutions on the example of the Xi Xia, Liao and Song empires. *Journal of Institutional Studies*, 16(3), 38–48. (In Russ.). <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2024.16.3.038-048>
- Kruglova, M. S. (2024a). Chinese model of developmental state: a literature review. *Issues of Economic Theory*, 4(25), 215–224. https://doi.org/10.52342/2587-7666vte_2024_4_215_224
- Kukartseva, M. A. (2017). The personalisation effect of modern policy. *RSUH/RGGU Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Art Studies*, 10(4–2), 239–251. (In Russ.).
- Kulakov, Z. V., & Khismatullin, B. R. (2024). The development of agriculture in the Song empire. *Modern Oriental Studies*, 6(4), 88–95. (In Russ.).
- Landes, D. S. (2006). Why Europe and the West? Why Not China? *Journal of Economic Perspectives*, 20(2), 3–22. <https://doi.org/10.1257/jep.20.2.3>
- Lin, Ch., Peach, T., & Fang, W. (Eds.). (2014). *The History of Ancient Chinese Economic Thought*. Abingdon, UK: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315816821>

- Lin, Y., Cai, F., & Li, Z. (2001). *The Chinese miracle: Strategy of development and economic reform* (trans. by A. D. Dubrovskiy, D. N. Sharynov). Moscow: IDV. (In Russ.).
- Liu, J. T. C. (1959). *Reform in Sung China: Wang An-shih (1021–1086) and his New Policies*. Cambridge, MA: Harvard University Press. <https://doi.org/10.4159/harvard.9780674424388>
- Liu, W., Dunford, M., Liu, Z., & Yang, Z. (2022). *Exploring the Chinese Social Model: Beyond Market and State*. Agenda Publishing.
- Long, G. Y. (2006). An institutional convergence perspective on China's recent growth experience: A research note. *Papers in Regional Science*, 85(2), 321–330. <https://doi.org/10.1111/j.1435-5957.2006.00059.x>
- Luo, H. Y. (2013). On the Success and Failure of Wang Anshi's Green Sprout Act: A Mechanism Design Perspective. *Youth and Society*, 8.
- Mayorov, V. M. (1988). Baojia in Kuomintang China in the 1930s–1940s. *Voprosy ekonomiki, istorii, vneshney i vnutrenney politiki stran Dal'nego Vostoka*, 1, 152–160. (In Russ.).
- Naughton, B. J. (1995). *Growing Out of the Plan: Chinese Economic Reform, 1978–1993*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/cbo9780511664335>
- Naughton, B. J. (2018). *The Chinese Economy: Adaptation and Growth* (2nd ed.). MIT Press.
- Needham, J. (1986). Social Devolution and Revolution: Ta Thung and Thai Phing. In R. Porter (Ed.), *Revolution in History* (pp. 61–73). Cambridge. <https://doi.org/10.1017/cbo9781316256961.004>
- Pomeranz, K. (2000). *The Great Divergence: Europe, China and the Making of the Modern World Economy*. Princeton. <https://doi.org/10.1515/9781400823499>
- Ruan Siyu. (2008). From a developmental state to a democratic socialist state? *Twenty-first century*, 110(12), 14–23. (In Chinese).
- Shang Yang. (1993). *The Book of the Ruler of the Shang Region (Shang Jun Shu)* (transl. from Chinese, with an introductory article, commentary, and a postscript by L. S. Perelomov; ed. Yu. L. Krol). Moscow: Ladomir. (In Russ.).
- Springborg, R., & Hurst, W. (2015). A China Model or Just a Broken Mould? In *Development Models in Muslim Contexts* (pp. 1–24). Cambridge University Press. (Chapter 1).
- Stubbs, R. (2009). What ever happened to the east Asian Developmental State? The unfolding debate. *The Pacific Review*, 22(1), 1–22. <https://doi.org/10.1080/09512740802650971>
- Sultanov, I. R. (2026). Qin Shi Huang reforms and creation of centralized state in ancient China. *Science Bulletin*, 3(5(98)), 777–782. (In Russ.).
- Sushchenko, M. A. (2015). Political modernization in the People's Republic of China: factors, directions, mechanisms. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 3(31), 97–103. (In Russ.).
- Tan, Q. (1991). *Jianming Zhongguo Lishi Ditu Ji*. Beijing. (In Chinese).
- Trubek, D. (2008). Developmental states and the legal order: towards a new political economy of development and law. *Law & Development Review*, 25(2), 2–105. <https://doi.org/10.2139/ssrn.1349163>
- Tsai, K. (2004). Off Balance: The Unintended Consequences of Fiscal Federalism in China. *Journal of Chinese Political Science*, 9(2), 1–26. <https://doi.org/10.1007/bf02877000>
- Vasiliev, S. A. (2020). Early modernization in Sung China. *Issues of Economic Theory*, 4(3), 130–156. (In Russ.).
- Vinogradov, A. V. (Ed.). (2022). *Modern Chinese state. Vol. 1: Main institutions of state power and governance*. Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
- Von Glahn, R. (2016). *The Economic History of China: From Antiquity to the Nineteenth Century*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/cbo9781139343848>
- Wade, R. (1990). *Governing the Market: Economic Theory and the Role of Government in East Asian Industrialization*. Princeton: Princeton University Press. <https://doi.org/10.1515/9780691187181>
- Wang, J. (2023). *Features of the theory of political modernization in modern China*: Cand. Sci. (Political studies) thesis. Moscow: Moscow State Pedagogical University. (In Russ.).
- Wang, M. S., Lounsbury, M., Chen, X., & Ren, Y. (2025). Change, Governance, and Diffusion of Institutional Logics in and Beyond Chinese Contexts. *Management and Organization Review*, 21(3), 417–442. <https://doi.org/10.1017/mor.2025.11>
- Will, P.-É. (1994). Développement Quantitatif et Développement Qualitatif en Chine a la Fin de L'Époque Imperiale. *Annales. Histoire, Sciences Sociales*, 49(4), 863–902. <https://doi.org/10.3406/ahess.1994.279298>
- Xie, X. (2025). "Suppressing Speaking Officials?" – The Reform of the Avenues of Criticism and their Operation during Zhang Juzheng Dominated-Period in the Ming China (1573–1582). *Ming Studies*, (92), 31–56. <https://doi.org/10.1080/0147037x.2025.2557714>
- Yang, G. (2016). Still a Century of the Chinese Model? Exploring Dimensions of Democratic Centralism. *Chinese Political Science Review*, 1(1), 120–141. <https://doi.org/10.1007/s41111-016-0005-3>
- Yang, H. (2018). China's Image from the Perspective of the Developmental State: What Kind of «Developmental State» is China? *JCIR*, 6(1), 95–116.
- Yu Jianxing & Shi Dejin. (2008). Beyond the Developmental State and China's National Transformation. *Academic Monthly*, (4), 23–32. (In Chinese).
- Yu, Z. (2008). *Fazhan xing guojia* [Developmental State]. Changchun: Jilin Chubanshe.

郁建兴、高翔 [Yu Jianxing, Gao Xiang]. (2012). 地方发展型政府的行为逻辑及制度基础 [The behavioral logic and institutional basis of local developmental governments]. 中国社会科学 [Chinese social sciences], (5), 206–207.

Zhang, F. (2017). The Chinese developmental state: standard accounts and new characteristics. *Journal of International Relations and Development*, 21(2), 739–768. <https://doi.org/10.1057/s41268-017-0085-1>

Zhao, X., & Drechsler, W. (2018). Wang Anshi's economic reforms: Proto-Keynesian economic policy in Song Dynasty China. *Cambridge Journal of Economics*, 42, 1239–1254. <https://doi.org/10.1093/cje/bex087>

Zhou Li'an. (2007). Research on promotion tournament model of local officials in China. *Economic Studies*, (7), 36–50. (In Chinese).

Zhu, J. (2004). Local Developmental State and Order in China's Urban Development during Transition. *International Journal of Urban and Regional Research*, 28(2), 424–447. <https://doi.org/10.1111/j.0309-1317.2004.00527.x>

* Возможно, принадлежит нежелательной в РФ организации / It may belong to an organization undesirable in the Russian Federation.

Вклад автора

Автор подтверждает, что полностью отвечает за все аспекты представленной работы.

Author's contribution

The author confirms sole responsibility for all aspects of the work.

Информация об использовании искусственного интеллекта

ИИ использовался для оформления списка литературы и корректуры статьи. Языковая модель: DeepSeek

Information about the use of artificial intelligence

AI was used to form the reference list and proofread the manuscript. Language model: DeepSeek

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автором не заявлен / No conflict of interest is declared by the author

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 15.07.2026

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 17.08.2026

Дата принятия в печать / Accepted 25.08.2026